

ДОСТОЕВСКИЙ И ЕВАНГЕЛІЕ

(Окончаніе)

II

Мы говорили пока о жизненномъ пути писателя, объ отношеніи его къ Евангелію и ко Христу въ связи съ его жизнью и на фонѣ опредѣленной эпохи. Коснемся нынѣ тѣхъ слѣдовъ Евангелія, которыя остались въ творчествѣ, въ этой второй жизни нашего писателя. Хотя еще въ «Хозяйкѣ» находимъ упоминанія о церкви, Ордынѣ, вѣроятно, занятъ церковной исторіей, Катерина постоянно «жарко» молится передъ образомъ Св. Маріи Дѣвы, но прямые слѣды евангельскаго текста не были тамъ нами обнаружены. Легкіе намеки на текстъ Евангелія (Іоанн. VIII, 3-11) остались въ Нѣточкѣ Незвановой въ письмѣ С. О.: «Но они слѣпы; ихъ сердца горды и надменны; они не видятъ и во вѣкъ не увидятъ того. Имъ нечѣмъ увидѣть!... Какой же камень поднимутъ они на тебя? чья первая рука подниметъ его? О, они не смутятся *), они поднимутъ тысячи камней! Они осмѣлятся поднять ихъ, затѣмъ, что знаютъ, какъ это сдѣлать. Они поднимутъ всѣ разомъ и скажутъ, что они сами безгрѣшны, и грѣхъ возьмутъ на себя...»**) (курсивъ Д.). Въ недавно опубликованномъ вариантѣ, ***) выброшенномъ изъ окончательнаго текста находимъ евангель-

*) Ср. отъ Іоанна VIII. 9.

**) *ibid.* ср. стт. 7. 9.

***) Относился къ VII гл. Нѣточки Незвановой къ тому же уже цитированному письму. См. Печать и Революція. 1928, кн. II. стр. 92.

скія слова: «Забудь меня! Я не помню себя и не знаю, что пишу тебѣ! А нужно было что-то сказать еще — кажется важное... Да, вспомнилъ, у тебя осталась моя гравюра: «Христось и та женщина», Синьоля. Тамъ есть надпись: *Qui sine peccato est vestrum in illam lapidem mittat.* Бѣдная моя! Ты ли та грѣшница!»

Таковъ текстъ и вотъ мы все же позволяемъ себѣ считать это мѣсто сравнительно малосущественнымъ: въ основѣ оно создано подъ знакомъ Синьоля, Евангеліе здѣсь отражено въ его зеркалѣ и свѣтъ брошенъ на строки художественнаго произведенія. Какъ это ни покажется странно, но думается существеннѣй отдаленный отзвукъ Христа въ «Дѣтской сказкѣ» *) — маленькомъ героѣ, написанномъ въ Петропавловской крѣпости.

«Было уже половина десятаго, солнце взошло высоко, и пышно плыло надъ нами, по синему, глубокому небу, казалось расплавляясь въ собственномъ огнѣ своемъ. Косари ушли уже далеко; ихъ едва было видно съ нашего берега. За ними неотвязчиво ползли безконечныя борозды скошенной травы, и изрѣдка чуть шевелившійся вѣтерокъ вѣялъ на насъ ея благовонной испариной. Кругомъ стоялъ неумолкаемый концертъ тѣхъ, которые «не жнутъ и не сѣютъ» **), а своевольны, какъ воздухъ, разсѣкаемый ихъ рѣзвыми крыльями. Казалось, что въ это мгновение каждый цвѣтокъ, послѣдняя былинка, курясь жертвеннымъ ароматомъ, говорили Создавшему ее: «Отецъ! я блаженна и счастлива!»

Смыслъ евангельскихъ словъ ближе къ тексту, чѣмъ это кажется на первый взглядъ. Юный отрокъ забывая чувство ревности, весь отдается жалости, жертвенности. И онъ получилъ въ за-

*) Таково первоначальное заглавіе разсказа.

***) Ср. Лук. XII. 24. 27. 28.

мѣнь своего благороднаго поступка «прозрѣніе чего то». Прозрѣніе въ то, что всякая истинная любовь, есть себя приношеніе въ жертву, отдача своего я другому. Мысль упорно проводимая Достоевскимъ, затронутая уже въ «Бѣлыхъ ночахъ», но здѣсь цитата изъ Евангелія, читаннаго въ крѣпости, даетъ особый оттѣнокъ всей картинѣ.

Намъ предстоитъ сдѣлать своеобразный скачекъ и, оставляя цѣлый рядъ произведеній Достоевскаго, остановиться лишь на нѣкоторыхъ его романахъ. Въ сущности съ «Преступленія и Наказанія» открывается рядъ «религіозныхъ» романовъ Достоевскаго. «Преступленіе и Наказаніе» — не полное заглавіе романа. Въ творческомъ процессѣ произошло расширеніе темы, это не только преступленіе и наказаніе, но и обновленіе, воскрешеніе въ новую жизнь. Обычно думаютъ, что Достоевскій не смогъ, не сумѣлъ показать намъ обновленіе души въ страданіи. И вотъ намъ кажется, что это не такъ. Писатель не изображаетъ намъ обновленнаго Раскольниковъ въ дѣйствиіи, но съ изумительной художественностью рисуетъ его все просвѣтляющійся образъ. Надо увидѣть его и онъ въ постепенномъ просвѣтленіи встанетъ передъ нами. Достоевскій исподволь, сперва на одно, два мгновенія показываетъ его въ эти моменты лучезарныхъ озареній свѣтомъ Христовой любви. Еще во II-й*) части Раскольниковъ проситъ Полю Мармеладову, ребенка, поцѣловавшаго его, помолиться, помянуть «и раба Радіона». Случается это послѣ добраго дѣла со стороны героя, послѣ служенія ближнему. Вспоминая свой поступокъ онъ говоритъ: «это — на всякій случай». Въ серединѣ романа, когда Дунѣ и матери Раскольниковъ удалось вывернуться изъ бѣды и всѣ довольны и радостны, и Разумихинъ строить пла-

*) По изданію Ладыжникова см. стр. 245.

ны на будущее, одинъ Раскольниковъ мраченъ и чувствуетъ, что его отдѣляетъ отъ близкихъ пропасть. Онъ кричитъ, уходя отъ нихъ: ...«Оставьте меня!... чтобы со мною ни было, погибну я или нѣтъ, я хочу быть одинъ... Когда надо, я самъ приду или... васъ позову. Можетъ быть все *воскреснетъ!*» И онъ идетъ затѣмъ къ Сонѣ, живущей у портного *Капернаума*. Это имя не однажды встрѣчается въ романѣ и мы думаемъ, что оно символично. Эта фамилія до извѣстной степени связана съ общимъ уклономъ Достоевскаго къ символикѣ имени. Если мы откроемъ Евангеліе и прочтемъ тѣ мѣста, которыя связаны съ Капернаумомъ, то у насъ получится особое впечатлѣніе, хотя мѣстъ этихъ не мало во всѣхъ четырехъ Евангеліяхъ *). Мы остановимся на самомъ важномъ, съ нашей точки зрѣнія. Въ основѣ при чтеніи ниже указанныхъ стиховъ Евангелія имя *Капернаумъ* выступаетъ въ связи съ тремя фактами: милосердное исцѣленіе и прощеніе грѣховъ, осіяніе свѣтомъ истины Божіей и пограніе гордыни; сюда же привходятъ и слова о воскресеніи (ср. Мат. XVII. 23. 24). Я знаю, что могутъ быть приведены иныя связи фамиліи Капернаума, но это столь рѣдкая фамилія и такъ символичны главы, гдѣ она встрѣчается, и такую роль играетъ чтеніе Евангелія, что думается, эта нами указанная связь фамиліи съ Евангеліемъ есть.

Знаменитое описаніе свиданія «разбойника и блудницы», разъ прочтенное «пронзаетъ сердце» навѣки. Тотъ, кто на вопросъ — въ чемъ счастье человѣка? отвѣчалъ: въ силѣ (мощи), **) долженъ попрасть свою гордыню, долженъ признать силу въ смиреніи, воскрешающую мощь «глаголовъ жи-

*) Срв. Матѣ. IV.13-17 VIII.5.XI. 23. XVII.23. 24.; Лук. VII. 1-10 X. 15.; Иоаннъ. IV, 46; Марк. II, и т. п.

**) Срв. черновики къ роману въ изд. Piper.

выхъ». Во время своихъ свиданій на квартирѣ *) Сони, Раскольниковъ мучить Соню, терзаетъ и она его, невольно вспоминая убитую Лизавету. Соня имя тоже символическое, имя высшей мудрости Божіей, любви. Раскольниковъ говоритъ Сонѣ о грядущей гибели всей ея семьи и на слова:

— Богъ этого не допуститъ — возражаетъ:

— Съ Полечкой навѣрное то же самое будетъ,

— Нѣтъ, нѣтъ, не можетъ быть, нѣтъ! — какъ отчаянная, громко вскрикнула Соня, какъ будто ее вдругъ ножомъ ранили. — Богъ, Богъ такого ужаса не допуститъ!

— Другихъ допускаетъ же.

— Нѣтъ, нѣтъ! Ее Богъ защититъ, Богъ... — повторяла она не помня себя.

— Да, можетъ, Бога то совсѣмъ нѣтъ, съ какимъ то даже злорадствомъ отвѣтилъ Раскольниковъ, засмѣялся и посмотрѣлъ на нее.

Лицо Сони вдругъ страшно измѣнилось: по немъ пробѣжали судороги. Съ невыразимымъ укоромъ взглянула она на него, хотѣла было что то сказать, но ничего не могла выговорить, и только вдругъ горько-горько зарыдала, закрывъ руками лицо». И поклонился въ землю ей Раскольниковъ «и припавъ къ полу поцѣловалъ ея ногу». Онъ кланялся не ей: «Я всему страданію человѣческому поклонился, — какъ то дико произнесъ онъ». И мучить его мысль, что «понапрасну» (курсивъ Д.) она «умертвила и предала себя». Но Соня знаетъ, что взяла позоръ на себя ради дѣтей. И почувствовалъ Раскольниковъ говоря съ ней, что на чемъ то незыблемомъ и вѣчномъ зиждется духовная чистота и жертвенность Сони. «Что она, уже не чуда ли ждетъ? И навѣрное такъ», говорилъ онъ. — «Такъ ты очень молишься Богу то Соня?» — «Что же бы я безъ Бога то была?» быстро, энергически прошеп-

*) Снимала комнату отъ портного Капернауова.

тала она, мелькомъ вскинувъ на него засверкавшими глазами... — «А тебѣ Богъ что за это дѣлаетъ? спросилъ онъ, выпытывая дальше».... Это вѣдь классическій вопросъ невѣрующаго и скептика, но него Раскольниковъ получаетъ неожиданный отпоръ, отпоръ отъ кроткой Сони, которая когда сердилась (скорѣе волновалась, сердиться она не умѣла), обычно «походила на канарейку». Но тутъ внезапно Соня вырастаетъ до исполинскихъ размѣровъ, ибо всякая хула простится, но не простится хула на Духа Святого. — «Молчите! не спрашивайте! Вы не стойте! вскрикнула она вдругъ, строго и гнѣвно смотря на него». Раскольниковъ поразился и хотъ назвалъ ее юродивою про себя, но почуялъ въ ней исцѣляющую, воскрешающую силу. Увидѣвъ Евангеліе, онъ просить прочесть Соню о воскрешеніи Лазаря, и бормочетъ, уже чуя исходъ всего дѣла: «Недѣли черезъ три на седьмую версту, милости просимъ!» Но Соня не сразу исполняетъ его желаніе и вновь вспоминаетъ Лизавету, ту Лизавету, которую «топоромъ убили», и отъ этого у Раскольникова «голова начинала кружиться». А Соня все поминаетъ убитую имъ, которая по ея словамъ «Бога узреть».*) Когда начинается, наконецъ, чтеніе, то Раскольниковъ чувствуетъ, «что хотъ и тосковала она, и боялась чего то ужасно (вѣщая душа ея вѣдала тайну убійства, скажемъ мы) принимаясь читать, но что вмѣстѣ съ тѣмъ ей мучительно самой хотѣлось прочесть, несмотря на всю тоску и на всѣ опасенія, и именно ему, чтобъ онъ слышалъ, и непременно теперь, — «чтобы тамъ ни вышло потомъ!» Когда она дочитала до 37 ст. XI-й главы «Раскольниковъ обернулся къ ней и съ волненіемъ смотрѣлъ на нее. При послѣднемъ стихѣ: «не могли Сей, отверзшій очи слѣпому»... она понизивъ

*) Срв. Заповѣди Блаженства.

голосъ, горячо и страстно передала сомнѣніе, укоръ и хулу невѣрующихъ... И онъ, онъ — тоже ослѣпленный и невѣрующій, онъ тоже сейчасъ услышитъ, онъ тоже увѣруетъ, да, да! сейчасъ же, теперь же, мечталось ей, и она дрожала отъ радостнаго ожиданія»... (курсивъ Д.). Она ждала прозрѣнія, смѣло скажемъ, воскрешенія Раскольникова. И дѣйствительно въ тѣни смертной возсіялъ свѣтъ. Дочитавъ до 46 стиха *) она остановилась. «Огарокъ уже давно погасалъ въ кривомъ подсвѣчникѣ, тускло освѣщая въ этой нищенской комнатѣ убійцу и блудницу, странно сошедшихся за чтеніемъ вѣчной книги». Внимая голосу воскрешающей души, Раскольниковъ внезапно обѣщаетъ сказать ей, кто убилъ Лизавету. Замѣтимъ сразу, на Раскольникова произведено неизгладимое впечатлѣніе и онъ это чувствуетъ; и тутъ же (кажется впервые) въ его уста вложены слова Евангелія; онъ восклицаетъ «По одной дорогѣ! Пойдемъ!» и вспоминая дѣтей замѣчаетъ: «А вѣдь дѣти — образъ Христовъ: «Сихъ есть царствіе Божіе» **). Онъ велѣлъ ихъ чтить и любить...«Кто этотъ Онъ ясно для читателя. Второе свиданіе его съ Соней окончательно. Во время него Раскольниковъ исповѣдался Сонѣ въ убійствѣ, да словъ въ сущности и не было, въ незабвенной сценѣ мученія себя и другого при «исповѣди». «Такъ угадала?», только и сказалъ онъ».

Здѣсь уже ясно положены всѣ камни въ основаніе будущаго храма воскресенія героя. Передъ полнымъ обновленіемъ въ новую жизнь черезъ любовь Сони, пройдетъ онъ путь уязвленной гордыни и черезъ терніи изъ мученій придетъ ко Христу и къ Евангелію. Напомнимъ только его странный апокалиптическій сонъ. Въ этихъ гре-

*) Отъ Іоанна. XII.

**) Лук.. XVIII; Марк. X. 14.

захъ звучать мотивы изъ Откровенія Іоанна Богослова. «Ему грезилось въ болѣзни, будто весь міръ осужденъ въ жертву какой то страшной моровой язвѣ... Всѣ должны погибнуть, кромѣ нѣкоторыхъ, весьма немногихъ избранныхъ. Появились какія то новыя трихины, существа микроскопическія, вселявшіяся въ тѣла людей. Но эти существа были духи, одаренные умомъ и волей. Люди, принявшіе ихъ въ себя, становились тотчасъ же бѣсноватыми и сумасшедшими... Люди убивали другъ друга въ какой то бессмысленной злобѣ. Собирались другъ на друга цѣлыми арміями, но арміи, уже въ походѣ, вдругъ начинали сами терзать себя, ряды разстраивались, воины бросались другъ на друга, кололись и рѣзались, кусали и ѣли другъ друга... Начались пожары, начался голодъ. Всѣ и все погибало. Язва росла и подвигалась все дальше и дальше. Спасти въ всемъ мірѣ могли только нѣсколько человекъ, это были чистые и избранные, предназначенные начать новый родъ людей и новую жизнь...»

Сравнимъ съ этимъ, въ сокращенномъ видѣ приведеннымъ сномъ, нѣкоторыя мѣста изъ Апокалипсиса. «И изъ дыма вышла саранча на землю, и дана была ей власть, каковую имѣютъ земные скорпіоны, и сказано было ей чтобы не дѣлала вреда травѣ земной и никакой зелени и никакому дереву, а только однимъ людямъ, которые не имѣютъ печати Божіей на челахъ своихъ... И мученіе отъ нея подобно мученію отъ скорпіона, когда ужалить человека: въ тѣ дни люди будутъ искать смерти, но не найдутъ ея; пожелаютъ умереть, но смерть убѣжитъ отъ нихъ... По виду своему саранча была подобна конямъ, приготовленнымъ на войну... Лица же ея — какъ лица человѣческія...*) И вышелъ другой конь, рыжій; и сидящему на немъ

*) IX. 1 слл.;

дано взять миръ съ земли, и чтобы убивали другъ друга...» *) «Кто ведетъ въ плѣнъ, тотъ самъ пойдетъ въ плѣнъ; кто мечемъ убиваетъ, тому самому надлежитъ быть убитому мечемъ...» **) «И сдѣлались жестокия и отвратительныя гнойныя раны на людяхъ, имѣющихъ начертаніе звѣря, и поклоняющихся образу его...» «И жегъ людей сильный зной; и они хулили имя Бога, имѣющаго власть подъ сими язвами, и не вразумлялись, чтобы воздать Ему славу...» ***)

«И начавъ рѣчь, одинъ изъ старцевъ спросилъ меня: сіи облеченные въ бѣлыя одежды кто, и откуда пришли? Я сказалъ ему: ты знаешь, господинъ. И онъ сказалъ мнѣ: это тѣ, которые пришли отъ великой скорби; они омыли одежды свои кровію Агнца». ****)

Новаго человѣка обрѣтаетъ въ себѣ самъ Раскольниковъ. Мучилъ его странный и страшный сонъ и болѣзнь и любовь къ нему Сони. Насталъ часъ его покаянія, перерожденія, просвѣтленія, ибо по словамъ писателя «Сердце одного (Сони) заключало безконечные источники жизни для сердца другого». Среди величавой обстановки — солнце и необъятная степь, сломилась его гордыня самости и понялъ онъ великую жертвенную любовь Сони. «День былъ ясный и теплый. Раннимъ утромъ, часовъ въ шесть онъ отправился на работу, на берегъ рѣки... Раскольниковъ вышелъ ихъ сарая на самый берегъ, сѣлъ на складенныя у сарая бревна и сталъ глядѣть на широкую и пустынную рѣку. Съ высокаго берега открывалась широкая окрестность. Съ дальняго другого берега чуть слышно доносилась пѣсня. Тамъ, въ облитой солнцемъ не-

*) VI. 4.

**) XIII. 10.

***) XVI. 2. 9.

****) VII. 13. 14.

обозримой степи, чугъ примѣтными точками, чернѣлись кочевыя юрты. Тамъ была свобода и жили другіе люди, совсѣмъ не похожіе на здѣшнихъ, тамъ какъ бы само время остановилось, точно не прошли еще вѣка Авраама и стада его». *)

Случайно ли тутъ сказаны слова о стадахъ Авраама, или нѣтъ, — не важно! Геній поэта подсказалъ ихъ; чѣмъ то извѣчнымъ, неизмѣннымъ, неизмѣримымъ и вѣчно новымъ — обновленіемъ души въ страданіяхъ, вѣетъ ото всей этой картины, и недаромъ покаяніе Раскольникова вставлено въ такую рамку. «Мнѣ отмщеніе и Азъ воздамъ», но «Блаженни кротціи яко тїи наслѣдять землю». Возвратясь въ острогъ, обратился Раскольниковъ къ тому, что есть «истина и жизнь», Альфа и Омега: «Подъ подушкой его лежало Евангеліе... Эта книга принадлежала ей, *была та самая, изъ которой она читала ему о воскресеніи Лазаря...* Онъ не раскрылъ ея и теперь, но одна мысль промелькнула въ немъ: развѣ могутъ ея убѣжденія не быть теперь и моими убѣжденіями?» (курсивъ мой).

Романъ «Бѣсъ» тоже романъ «криминальный», о преступленіи въ различныхъ формахъ и градацияхъ, романъ, отъ котораго тянутся нити и къ прошлому и къ послѣдующему творчеству писателя. Романъ открывается двумя эпитафиями, которыя тѣсно связаны между собой и съ центральной идеей всего произведенія.

«Хоть убей слѣда не видно;
Сбились мы, что дѣлать намъ?
Въ полѣ бѣсъ насъ водить, видно,
Да кружить по сторонамъ»

и отъ Луки VIII. 32-37.

*) Интересно соединеніе пяти *a* въ стоящихъ рядомъ словахъ. Еще М. В. Ломоносовъ въ своей «Поэтикѣ» замѣтилъ, что звукъ *a* подходит для изображенія великихъ пространствъ; послѣ него объ этомъ (не зная о Ломоносовѣ) писалъ А. Бѣлый (Бугаевъ) въ своей «Глоссолатіи».

Достоевскій указываетъ обоими эпиграфами на заблужденіе, одержимость революціонностью интеллигенціи и одновременно и на выходъ — обращеніе ко Христу, къ вѣрѣ, къ ея исцѣляющей силѣ. Что это именно такъ, показано самимъ писателемъ въ концѣ романа. Умиравшій Степанъ Трофимовичъ проситъ кигношу Софію (монашку) прочесть ему мѣсто «о свиньяхъ» т. е. Лук. VIII. 32-37 ст. и выслушавъ его говоритъ: да, это я, это Петруша и т. д. Романъ начатъ и законченъ въ сущности чтеніемъ Евангелія, словно пророческій голосъ прочтя изъ вѣчной книги вдругъ начинаетъ оторвавшись отъ нея говорить о будущемъ и изобразивъ страшную картину бѣдъ, заканчиваетъ чтеніемъ того же мѣста. Эпиграфъ входитъ какъ сѣмя въ толщу романа и растворившись въ ней даетъ то же сѣмя — кругъ замкнуть. Бѣсы — революціонеры впитавъ въ себя всю скверну, все злое, погибнуть и Россія вновь сильная и чистая сядетъ, какъ бѣсноватый въ притчѣ, у ногъ Христа.

Достоевскій принадлежалъ къ той группѣ русскихъ писателей, которая ненасытно искала и находила образъ и духъ Божій въ каждомъ человѣкѣ. Европейская литература XIX вѣка, за рѣдкими исключеніями, утратила эту вѣру въ личнаго Бога и въ Бога личности. Для романтика Богъ и природа сливались въ общемъ интуитивно-художественномъ міросозерцаніи. Для натуральной школы существовалъ только человѣкъ (*homo sapiens*) и много-много, что Богъ, созданный человекомъ, а не найденный.

Особенность богоискательства Достоевскаго заключается не только въ томъ, что оно шло параллельно съ борьбой, но въ томъ преимущественно, что это было *христоискательство*. Бытіе и правда Христа и его дѣла искупленія сплетались всегда у Достоевскаго съ проблемой бытія Божія. Это

слѣдуетъ помнить и при разборѣ романа «Бѣсы». Его образъ или слова мелькаютъ не разъ въ «Бѣсахъ», напр., вложены въ уста Кирилловы слова Евангелія, Шатовъ поминаетъ имя Христа и т. д. Но основной формулировкой идеи «Бѣсовъ» въ отношеніи къ революціонерамъ, къ ихъ идеологіи разрушенія, служатъ слѣдующія слова:

«Безъ вѣры міръ обратится въ механизмъ. И что еще будетъ? Мертвая машина... Ангелъ никогда не падаетъ. Бѣсъ до того упалъ, что всегда лежитъ. Человѣкъ падаетъ и возстаетъ». Вѣра въ Бога (Христа) и въ Божественную сущность свободного человѣка — центральный вопросъ «Бѣсовъ». Революціонеры Достоевскаго понимаютъ это. Они стремятся прежде всего убить живую душу въ человѣкѣ. А этой живой душой по Достоевскому является вѣра, дѣятельно-творческая индивидуально-направленная любовь. Свободная вѣра утверждаетъ, изъ нея родится даящая надежда и отъ нихъ обѣихъ исходитъ творящій свѣтъ — любовь. Можетъ быть и иначе. Чистая любовь приведетъ къ познанію, ибо «совершенная любовь совпадаетъ съ совершенной вѣрой». У революціонеровъ выше всего стоитъ человѣкъ, какъ коллективъ или какъ замкнутая въ себѣ личность, соединеніе не творческое, а механическое, путемъ принужденія, страха и т. п.

Пшебышевскій въ своемъ романѣ «Дѣти Сатаны» выводитъ тоже типы революціонеровъ, но у него нѣтъ и помина той жуткой, напряженной борьбы съ Богомъ во имя революціи, съ личной индивидуальностью во имя коллективной унификаціи съ диктаторами во главѣ. Ни въ одномъ изъ описывающихъ революцію русскомъ или славянскомъ романѣ, извѣстномъ намъ, нѣтъ этой идеи — ядра объ убійствѣ Бога въ человѣкѣ, уничтоженіи вѣры. На ряду съ картинами ужаса и развала одинъ изъ либераловъ-отцовъ «Бѣсовъ», Сте-

пань Трофимовичъ, получаетъ великое откровене. Передъ смертью его осіялъ свѣтъ, когда Софія прочла ему Евангеліе по его просьбѣ. Передъ кончиной держитъ рѣчь Степанъ Трофимовичъ о безсмертіи души: «Богъ не захочетъ сдѣлать неправды и погасить совсѣмъ огонь разъ возгорѣвшейся къ нему любви въ моемъ сердцѣ. И что дороже любви? Любовь выше бытія, любовь вѣнецъ бытія, и какъ же возможно, чтобы бытіе было ей неподклонно?» (курсивъ мой). Здѣсь уже слышенъ голосъ самого автора — слова *огнь, неподклонно*, церковнославянскаго, книжнаго происхожденія и и не могъ ихъ сказать офранцуженный Степанъ Трофимовичъ, но его освѣтилъ внутреннимъ свѣтомъ авторъ. Онъ носитъ теперь радость бытія, ибо открылъ вѣчный законъ: «Весь законъ бытія человѣческаго лишь въ томъ, чтобы человѣкъ всегда могъ склоняться передъ безмѣрно великимъ». Эта любовь къ Безмѣрному сдѣлаетъ его счастливымъ *): «Каждая минута, каждое мгновение жизни должны быть блаженствомъ человѣку»... И тутъ Степанъ Трофимовичъ «понялъ подставленную ланиту» **) и открылось ему все значеніе словъ: «иго мое легко и бремя мое благо» ***).

Среди борьбы страстей любовныхъ и политическихъ, посреди метущихся героев романа твердо стоитъ загадочная фигура — «отвратительный красавецъ» Николай Ставрогинъ. Его преступленіе отзывается, какъ эхо, тысячью отголосковъ, его слова и мысли носятся въ воздухѣ, подхватываемыя другими. До нѣкоторой степени фигуры, расположенныя съ нимъ рядомъ получаютъ жизнь и двигательную силу отъ него, онѣ какъ бы

*) Здѣсь Степанъ Трофимовичъ повторяетъ мысли, какъ это ни странно, святителя Тихона. Срв. Сборникъ «Творчество Достоевскаго». ред. Гроссмана. 1921.

**) Ср. Мат. V. 39; Лук. VI. 29.

***) Срв. Мат. XI. 29. Всѣ эти цитаты взяты, конечно, изъ текста романа и даны лишь ссылки на соотвѣтствующія мѣста Евангелія.

его порожденія. Ставрогинъ словно нѣкій бѣсъ и демонъ царить въ романѣ. И самъ онъ одержимъ духомъ гордымъ, разумнымъ и злымъ. Общность чорта Ивана Карамазова съ демономъ Ставрогина ясна, если вчитаться въ «Исповѣдь Ставрогина».*) Они оба одержимы насмѣшливымъ и разумнымъ существомъ и оба злятся на него; сомнѣніе въ реальности духа смѣняется сомнѣніемъ въ себѣ. Ставрогинъ прямо говоритъ, подобно Ивану: *«Это я самъ въ разныхъ видахъ, и больше ничего»* (курсивъ мой). И рядомъ: *«Я вѣрую въ бѣса, вѣрую канонически въ личнаго»*. Онъ не вѣритъ въ Бога и Христа, но тайно жаждетъ обрѣсти его въ себѣ черезъ страданіе, черезъ пріятіе мученія на себя; онъ въ пустотѣ, но жаждетъ утвержденія, пополненія. Сущность и тайна его бытія раскрывается въ кельѣ Тихона. Духовный сынъ Степана Трофимовича проситъ прочесть**) ему главу III (14-17) изъ Откровенія Іоанна Богослова, ибо его «поразило, что Агнецъ любитъ лучше холоднаго, чѣмъ только лишь теплаго». Не въ слабости, какъ думаютъ нѣкоторые критики, трагедія Ставрогинской души, и не только въ одержимости бѣсомъ аморальнаго «любопытства» все испытать — его мука. Воля у него желѣзная, вспомнимъ случай перенесенія пощечины отъ Шатова, дуэль съ Гагановымъ и многое другое. Онъ не можетъ ни жарко, жертвенно любить, ни ненавидѣть, Ставрогинъ «тепель» и жизнь «изблюетъ его изъ устъ своихъ». Онъ въ бѣса вѣритъ, а въ Бога, пожалуй, и не вѣруетъ, хотя мучительно жаждетъ и говоритъ о той вѣрѣ, которая горами двигаетъ ***). Онъ великая праздная сила, ушедшая нарочито въ мер-

*) Срв. Документы по ист. лит. и общ. Вып. I. Ф. М. Достоевскій. М. 1922, стр. 8-9.

**) Сцена кое о чемъ (своеобразная торопливость «носпѣшеніе») напоминаетъ чтеніе Евангелія Степану Трофимовичу.

***) Срв. Марк. XI, 20-23. Мате. XXI, 21

зость, *) онъ «оторванъ отъ почвы». Ставрогинъ знаетъ свой грѣхъ, знаетъ, что нынѣ онъ «слѣпъ и нагъ, ибо, какъ сказано въ Откровеніи полагалъ себя не имѣющимъ ни въ чемъ нужды; ему надо покаяться. Всѣ эти мысли заключены, какъ колось въ зернѣ, въ томъ мѣстѣ изъ Апокалипсиса, которое читаетъ наизусть Тихонъ. Ставрогинъ «великій грѣшникъ» и онъ сознаетъ это, ибо самъ цитируетъ слова Иисуса Христа о гибели «если соблазните единаго отъ малыхъ сихъ».**)

Но обликъ его не развитъ, въ окончательномъ текстѣ мы не находимъ его исповѣди, выброшенной по различнымъ причинамъ изъ романа. И романъ «Бѣсы» потерялъ много въ изображеніи своего князя зла. Но какъ бы то ни было въ этомъ «полемическомъ» романѣ разворачивается рядомъ съ богоборческой стихіей и стихія вѣры, въ немъ впервые находимъ явные слѣды чтенія православной духовной литературы. Въ немъ Шатовъ обрѣтаетъ твердую почву, находитъ своего Бога, полюбивъ жертвенною любовію и отвергнувъ свое эгоистическое я.

«Истинно, истинно говорю вамъ: если пшеничное зерно, падши въ землю, не умретъ, то останется одно; а если умретъ, то принесетъ много плода».***) Такъ открываются намъ «Братья Карамазовы». Эпиграфъ этотъ былъ названъ однимъ изъ лучшихъ знатоковъ Достоевскаго «загадочнымъ» и для пониманія его привлечено было имъ произведение Гофмана «Элексиры Сатань». Но вотъ намъ думается, что все это не имѣетъ *ничего* общаго съ элексирами и дьяволами, а связано съ ученіемъ, обликомъ и словами Иисуса Христа. Ибо «любящій душу****) свою погубить ее; а ненавидящій душу

*) Слова Тихона о Ставрогинѣ.

**) Срв. Лук. XVII, 2; Марк. IX, 42. Мат. XVIII, 6.

***) Отъ Иоанн. XII, 24.

****) Иногда переводятъ не душу, а жизнь.

свою въ мірѣ семь сохранить ее въ жизнь вѣчную».

Какъ излишне привлекать В. Гете для идеи Достоевскаго о томъ, что вѣра не отъ чуда рождается, а чудо отъ вѣры, ибо эту мысль и Гете-то вѣрно изъ Евангелія взялъ,*) такъ и эпиграфъ «Братъевъ Карамазовыхъ» — нѣчто глубоко христіанское! Развѣ не умираетъ для грѣха-похоти и прожиганія жизни Дмитрій, развѣ не возжаждалъ и онъ, хотя на мигъ, принять страданіе и не пожелалъ въ тюрьмѣ славословить Господа, развѣ прежней любовію, любовію преимущественно плотской любить онъ позже свою Грушеньку? Ну, а Иванъ? Будемъ кратки. Сложность судьбы Ивана велика, но во многомъ и онъ умеръ для гордыни и отчужденности отъ судьбы «гадины» (слова его до катастрофы о Димитріѣ). Не говоримъ уже о Грушенькѣ и ея перерожденіи, но и самъ чистый «ангелъ» Алеша умеръ для суетной жажды чудеснаго и вынесъ великое испытаніе. Вспомнимъ, что когда по грубому выраженію Ракитина старецъ Зосима «пропахъ» и его «чиномъ обошли» Алеша поколебался. Но сонное видѣніе свѣтлаго Христова лика на брачномъ пиру въ Канѣ Галилейской **) потрясло его душу и свершилось чудо умиленія. Смирениемъ облекъ свою гордыню Алеша и утвердилъ свою вѣру на незыблемомъ адамантовомъ столпѣ, — онъ воскресъ въ новую жизнь: «Палъ онъ на землю слабымъ юношей, а всталъ твердымъ на всю жизнь бойцомъ». Случилось такъ, словно намекаетъ писатель названіемъ главы «Кана Галилейская», что первое чудо Христа, чудо претворенія отразилось въ душѣ Алеши; въ пользу этой мысли говорятъ и слова Зосимы. Но это далеко не все. Эпиграфъ развертывается не только символически, онъ входитъ

*) Faust I. Wunder ist der Glaubens liebtes Kind.

**) Срв. отъ Іоанна II, 1-11.

какъ составная часть въ романъ, онъ показанъ т. ск. «въ дѣйствии». Въ концѣ перваго тома *) старецъ Зосима повѣствуетъ о случаѣ въ его жизни, когда примѣръ его увлекъ одного убійцу принести покаяніе. Сцена сія слишкомъ извѣстна и я приведу лишь краткую выдержку.

— Рѣшайте же судьбу! — воскликнулъ опять.

— Идите и объявите, — прошепталъ я ему. Голосу во мнѣ не хватило, но прошепталъ я твердо. Взялъ я тутъ со стола Евагеліе, русскій переводъ, и показалъ ему отъ Іоанна, глава XII, стихъ 24: «истинно, истинно говорю вамъ, если пшеничное зерно, падши въ землю, не умретъ, то останется одно, а если умретъ, то принесетъ много плода...» На возраженіе собесѣдника Зосима...«развернулъ въ другомъ мѣстѣ и показалъ ему къ Евреямъ, глава X, стихъ 31. Прочелъ онъ: — «Страшно впасть въ руки Бога живаго»... Эпиграфъ имѣетъ еще иное значеніе въ романѣ, но за недостаткомъ мѣста приходится объ этомъ умолчать. Онъ пріоткрываетъ завѣсу надъ той ролью, которую играетъ Евагеліе и ученіе Христа въ творчествѣ писателя.

Великій Инквизиторъ — ключъ къ философіи вѣры и философіи исторіи человечества по Достоевскому. Самъ писатель назвалъ книгу, трактующую объ этомъ «Pro и Contra», а въ одномъ изъ писемъ опредѣлилъ ее какъ «кульминаціонную точку романа **)». Все, что перечиталъ и передумалъ писатель вошло въ эту книгу и оставило въ ней свои слѣды. Вольтеръ и Пушкинъ, Шиллеръ и Майковъ, Гете и Тютчевъ, м. б. Дамаскинъ, Григорій Богословъ и многіе другіе оставили свои слѣды на безсмертныхъ страницахъ. Величайшая тайна, именно тайна скрыта въ книгѣ «Pro и Contra».

*) Срв. по изд. Ладыжникова стр. 474.

**) Срв. Письмо къ Н. А. Любимову 10 мая 1879 года.

Это не только «бунтъ» противъ Христа, но и какъ справедливо говоритъ Алеша, апологія Христа. Великая тайна требуетъ бережнаго обращенія съ ней, чтобы не стала она явной и не говорили о ней на площадяхъ и на кровляхъ. Эту тайну мы не откроемъ, да и не сможемъ, не сумѣемъ открыть, ее унесъ въ могилу писатель. Но попытаемся же проникнуть въ глубину, въ ту бездну, гдѣ лежитъ она на днѣ, ибо глубина всегда мудра, властительна и чарующа.

«Великій Инквизиторъ» протканъ евангельскими текстами, намеками на событія евангельскія, апокалиптическими формулировками и т. п. Достоевскій, видимо по памяти, цитировалъ, часто не совсѣмъ точно, слѣдующія мѣста Евангелія: Мат. XXVII. 11; Откр. Іоан. XXII, 21; (Откр. XIII, 13); Марк. XV, 10, 32-36; Марк. VI, 56; Мат. XIV, 36; Матѹ. XI. 27, 28; Матѹ. XXI, 9; Матѹ. XXIV, 26; Марк. XIII, 32; Марк. V; Іоан. VIII, 36; Лук. IV, 1-14; Матѹ. IV, 1-11; кромѣ того есть намеки и на инья мѣста библейскаго текста. Идея Великаго Инквизитора шире и глубже того, что о ней мы можемъ найти въ письмахъ Достоевскаго. Нѣкоторымъ опорнымъ пунктомъ могутъ служить три вещи: «Идіотъ», разсужденія о спиритизмѣ («о чертяхъ») въ «Дневникѣ Писателя», и письмо къ Алексѣеву, хотя можно вести извѣстную «генеологическую» линію для Великаго Инквизитора, внѣ всякаго сомнѣнія отъ «Хозяйки», «Нѣточки Незвановой» черезъ «Преступленіе и Наказаніе» и далѣе ко всѣмъ послѣдующимъ романамъ. Въ романѣ «Идіотъ» слова двухъ героевъ связаны съ «Великимъ Инквизиторомъ» — Лебедева и кн. Мышкина. Чтобы все послѣдующее было яснѣе придется забѣжать впередъ и напомнить тотъ фактъ, что никто другой, какъ самъ Достоевскій назвалъ Ивана Карамазова социалистомъ:...«Мой социалистъ (Иванъ Ка-

рамазовъ) человекъ искренній». (Письмо къ Любимову).

Лебедевъ говоритъ слѣдующее: «Невѣріе въ дьявола есть французская мысль, есть легкая мысль. Вы знаете ли, кто есть дьяволъ? Знаете ли какъ ему имя?... ибо нечистый духъ *есть великій*) и грозный духъ...* Слишкомъ шумно и промышленно становится въ человѣчествѣ, мало спокойствія духовнаго», жалуется одинъ удалившійся мыслитель. «Пусть, но стукъ телѣгъ, подвозящихъ хлѣбъ голодному человѣчеству, можетъ быть, лучше спокойствія духовнаго», отвѣчаетъ тому побѣдительно другой, разѣжающій повсемѣстно мыслитель, и уходитъ отъ него съ тщеславіемъ. Не вѣрю я, гнусный Лебедевъ, телѣгамъ, подвозящимъ хлѣбъ человѣчеству...» **) «Богатства больше, но силы меньше; *связующей мысли не стало*». (Курсивъ мой).

Соціализмъ, по мнѣнію князя Мышкина хочетъ человѣчество «...спасти не Христомъ, а насиліемъ!» Не забудемъ, что одной изъ центральныхъ проблемъ всей поэмы «Великій Инквизиторъ» является проблема свободы. Вышеприведенныя выдержки явно показываютъ намъ, какъ романъ о типѣ «положительно прекраснаго человека» связанъ съ «Братьями Карамазовыми» и, что станетъ еще яснѣе, если сравнить нѣкоторыя мѣста «Братьевъ Карамазовыхъ» съ первоначальными набросками романа. Тамъ мы прочтемъ, напри- мѣръ, такія мѣста: «Разъясняетъ дьявола. (Іовъ прологъ). — *Разъясняетъ искушеніе въ пустынь*» (курсивъ мой).

Послѣдняя строчка особенно интересна, ибо

*) Здѣсь почти повторены слова о дьяволѣ Великаго Инквизитора.

**) Далѣе Лебедевъ цитируетъ слова явно изъ Отара Іоанна Богослова VIII, 10 и т. п.

въ ней центральная мысль всей главы «Pro и Contra».

Въ своемъ докладѣ, читанномъ при Народномъ Университетѣ въ «Семинариі по Достоевскому» я высказывалъ эту мысль до опубликованія письма Достоевскаго къ Алексѣеву и года за 1½ до изданія набросковъ къ «Идіоту» Piper Verlag'омъ. Всѣ послѣдующія публикаціи подтвердили эту мою мысль и даже положеніе о томъ, что въ основу «Великаго Инквизитора» положенъ текстъ Евагелія отъ Матѳея.

Обратимся нынѣ къ замѣчательному въ своемъ родѣ документу, основную часть котораго придется привести безъ сокращеній.

7-го іюня 1876 года, въ отвѣтъ на письмо В. А. Алексѣева *), Достоевскій написалъ слѣдующее.

Милостивый Государь,

Извините, что отвѣчаю только сегодня на письмо ваше отъ 3-го іюня, но былъ нездоровъ припадкомъ падучей болѣзни.

Вы задаете вопросъ мудреный — тѣмъ собственно, что на него отвѣчать долго. Дѣло же само по себѣ ясное. Въ искушеніи дьявола (зачеркнуто: *собрали*) явились три колоссальныя міровыя идеи и вотъ прошло 18 вѣковъ, а труднѣе (зачеркнуто: *выше*) т. е. мудренѣе этихъ идей нѣтъ и ихъ все еще не могутъ рѣшить. «Камни въ хлѣбъ» значить теперешній социальный вопросъ, *среда*. Это не пророчество, это всегда было. «Чѣмъ идти то къ разореннымъ нищимъ, похожимъ отъ голодухи и притѣсненій скорѣе на звѣрей, чѣмъ на людей — идти и начать проповѣдывать голоднымъ воздержаніе отъ грѣховъ, смиреніе, цѣломудріе — не лучше ли *накормить ихъ сначала?* Это будетъ гуманнѣе. И до тебя приходили проповѣдывать,

*) См. «Голосъ Минувшаго на Чужой Стронѣ» No 5 (XVIII) 1927, стр. 197.

но вѣдь ты Сынъ Божій, тебя, ожидалъ весь міръ съ нетерпѣніемъ; поступи же какъ высшій надъ всѣми умомъ и справедливостію. Дай имъ всѣмъ пищу, *обезпечь ихъ*, дай имъ такое устройство соціальное, чтобъ хлѣбъ (вставлено: *и порядокъ*) у нихъ былъ всегда, — и тогда уже спрашивай съ нихъ грѣха. Тогда если согрѣшатъ, то будутъ неблагодарными, а теперь — съ голоду грѣшатъ. Грѣшно съ нихъ спрашивать. Ты Сынъ Божій — стало быть ты все можешь. Вотъ камни, видишь какъ много. Тебѣ стоитъ только повелѣть — и камни обратятся въ хлѣбъ. Повели же и впредь, чтобъ земля рождала безъ труда, научи людей такой наукѣ или научи ихъ такому порядку, чтобъ жизнь ихъ была впредь обезпечена. Неужто не вѣришь, что главнѣйшіе пороки и бѣды человѣка произошли отъ голоду, холоду, и изъ всевозможной борьбы за существованіе?»

Вотъ 1-ая идея, которую задалъ злой духъ Христу. Согласитесь, что съ ней трудно справиться. Нынѣшній *соціализмъ* въ Европѣ, да и у насъ, вездѣ устраняетъ Христа и хлопочетъ прежде всего о *хлѣбѣ*, призываетъ науку и утверждаетъ, что причиною всѣхъ бѣдствій человѣческихъ одно — *нищета*, борьба за существованіе, «среда заѣла».

На это Христось отвѣчалъ: «не однимъ хлѣбомъ бываетъ живъ человѣкъ» — т. е. сказалъ аксіому и о духовномъ происхожденіи человѣка. Дьяволова идея могла подходить только къ человѣку-скоту. Христось же зналъ, что хлѣбомъ однимъ не оживишь человѣка. Если при томъ не будетъ жизни духовной, идеала Красоты, то затоскуетъ человѣкъ, умретъ, съ ума сойдетъ, убьетъ себя или пустится въ языческія фантазіи. А такъ какъ Христось въ Себѣ и Словѣ своемъ несъ идеаль Красоты, то и рѣшили: лучше вселить въ души идеаль Красоты; имѣя его въ душѣ, всѣ стануть

одинъ другому братьями и тогда, конечно, работа другъ на друга, будутъ богаты. Тогда какъ дай имъ хлѣбъ и они отъ скуки станутъ пожалуй врагами другъ другу.

Но если дать и Красоту и Хлѣбъ вмѣстѣ? Тогда будетъ отнять у человѣка трудъ, личность, самопожертвованіе своимъ добромъ ради ближняго — однимъ словомъ отнята вся жизнь, идеаль жизни.*) И потому лучше возвѣстить одинъ свѣтъ духовный. Доказательство же, что дѣло въ этомъ коротенькомъ отрывкѣ изъ Евангелія шло именно объ этой идеѣ, а не о томъ только, что Христосъ былъ голоденъ и дьяволъ посовѣтовалъ ему взять Камень и приказать тому стать хлѣбомъ — доказательство именно того, что Христосъ отвѣтилъ разоблаченіемъ тайны природы: «Не однимъ хлѣбомъ (т. е. какъ животные) живъ человѣкъ». Если бѣ дѣло шло только объ одномъ утоленіи голода, Христу то къ чему было бы заводить рѣчь о духовной природѣ человѣка вообще? И не кстати, да и безъ дьяволова совѣта Онъ могъ и прежде достать хлѣба, еслибѣ захотѣлъ. Кстати, вспомните о нынѣшнихъ теоріяхъ Дарвина **) и другихъ о происхожденіи человѣка отъ обезьяны. Не вдаваясь ни въ какія теоріи, Христосъ прямо объявляетъ фактъ, что въ человѣкѣ кромѣ міра животнаго есть и духовный. Ну и что же — пусть откуда угодно произошелъ человѣкъ (въ Библии вовсе не объяснено какъ Богъ лѣпилъ его изъ глины, взялъ отъ земли, но за то Богъ *вдунулъ въ него дыханіе жизни*, но скверно, что грѣхами человѣкъ можетъ обратиться опять въ скота» (Курсивъ Достоевскаго).

*) Читая эти строки становится ясно въ чемъ Д. расходился кореннымъ образомъ съ Н. Ф. Феодоровымъ.

**) Д. здѣсь ошибается. Ч. Дарвинъ никогда въ такой формѣ теорію свою не излагалъ; ученіе его совсѣмъ иное и трактуетъ лишь объ общемъ предкѣ. Видимо Д. трудовъ Дарвина не читалъ.

Интересно, что Достоевскій начавъ говорить о «трехъ колоссальныхъ идеяхъ» сводить все на первое искушеніе и связуетъ его съ социальнымъ вопросомъ. Съ другой стороны въ толкованіе и разборъ смысла Евангелія внѣдряется, совершенно въ духѣ Достоевскаго, его любимая мысль о Красотѣ съ большой буквы. Искупителю Христа какъ бы приписывается еще одна идея навязчиво преслѣдовавшая великаго художника. Писатель, забывая объ остальныхъ двухъ искушеніяхъ весь проникается своими мыслями и какъ бы упускаетъ изъ виду то, на что самъ ссылался. Одна изъ причинъ этого лежитъ въ томъ, что Достоевскій сосредоточенно мыслилъ въ направленіи философіи исторіи, а тѣмъ самымъ для него чудо и авторитетъ и тайна сливались въ формулѣ «камни въ хлѣбъ»; оставалось одно не укладывавшееся въ эту формулу, то чѣмъ онъ жилъ — искусство, служеніе Красотѣ духовной. И рыцарь свѣтлаго Христова прекраснаго облика дополнилъ формулу своей личной мыслью и идеей о красотѣ усилія въ добываніи рая на землѣ, о красотѣ жертвеннаго служенія, мученія, если хотите. Красота одна безъ напряженнаго стремленія къ ней уже не Красота; гармонія достигается послѣ разлада.

Достоевскій отдавалъ предпочтеніе и пріоритетъ сердцу съ юныхъ лѣтъ. Одной изъ увлекательныхъ и цѣнныхъ работъ въ области литературнаго наслѣдія писателя была бы попытка отдѣлить, гдѣ возможно, автора отъ героевъ. Мы не ставимъ себѣ этой задачи даже для главы «Pro и Contra», но нѣкую линію этого «водороздѣла» мы постараемся слегка намѣтить. Грубо говоря, философія исторіи человечества окрашена Иваномъ-Достоевскимъ, философія христіанства и обликъ Христа — Достоевскимъ *).

*) Подробности отдѣленія автора отъ героя здѣсь вынуждены оставить въ сторонѣ.

Чѣмъ жилъ Достоевскій уже отмерло, его эпоха ушла отъ насъ, волненія и радости его поколѣнія исчезли вмѣстѣ съ нимъ, оставивъ неясный и блѣдный слѣдъ въ памяти потомства и воспоминаніяхъ, журналахъ и книгахъ. Но тревога писателя за человѣка, за дѣло человѣка здѣсь на землѣ, не потеряла ничего изъ своей остроты, она сдѣлалась въ наши дни еще острѣй, еще «современнѣй». Вѣдь все еще только греза и мечта, чтобы всѣ были братьями другъ другу, и чтобы одна десятая не стояла надъ девятыю десятиными,*) не управляла ими по Шигалевскому рецепту.

Обратимся же къ тому, какія духовныя теченія, современныя Достоевскому, толкали его на пути выработки идей «Великаго Инквизитора». Достоевскій въ юные годы самъ принадлежалъ къ соціалистамъ утопическаго толка. Онъ увлекался идеями Фурье, Луи-Блана, Кабе, Сень-Симона, Леру. Эти идеи только что расцвѣтавшія пышнымъ цвѣтомъ весенняго цвѣтенія носились въ воздухѣ. Онѣ еще не дали своего плода, были эфемерны и многообѣщающи. Словно новое блистательно «очищенное» христіанство входило побѣдно въ души усталыхъ и жаждущихъ истины людей. Когда читаешь письма и дневники того времени, становится ясно, что тотъ соціализмъ являлся, право, особой религіей не только разума, но и сердца. Вотъ почему послѣ отрезвленія отъ опьяняющаго аромата благоуханныхъ цвѣтовъ написалъ пророческія слова Евангелія Достоевскій, вѣроятно намекая на соціализмъ въ его цвѣтеніи: «По дѣламъ ихъ узнаете ихъ». Новъ дни своей юности онъ думалъ иначе и не онъ одинъ. Книга о Христѣ въ своей сущности лежитъ передъ читателемъ. Иванъ рисуетъ картину второго пришествія Христа и передъ нами

*) Слова Д. См. Die Urgestalt der Brüder Karamasoff, S. 293.

вновь оживаютъ чудеса Христа, вновь слышатся его слова и встаетъ ликъ совершеннаго Бога-человѣка. И уже послѣ этихъ вводныхъ аккордовъ открывается знаменитая «бесѣда»-монологъ Инквизитора. Въ основѣ его рѣчи лежитъ, какъ выше сказано, Мат. IV, 1-11; Лук. IV, 1-12. Вспомнимъ что у Достоевскаго упомянуты три искушенія Христа и названы *искушеніемъ чуда, тайны и авторитета*. Этимъ тремъ искушеніямъ «грознаго и великаго духа» подпала католическая церковь, церковь, ставшая не Христовой, а антихристовой. Обратимся къ евангельскому тексту. У Матѳея первое искушеніе — сдѣлать камни хлѣбами; второе — броситься внизъ съ крыла Храма; третье — поклониться діаволу ради славы міра сего. Въ Евангеліи отъ Луки въ основѣ найдемъ тѣ же самыя искушенія, но порядокъ ихъ нѣсколько иной, какъ и отвѣты Христа. У Луки найдемъ, что послѣ перваго искушенія обратить камень въ хлѣбъ слѣдуетъ искушеніе властью и славой всѣхъ царствъ вселенной, а затѣмъ уже третье: «Если Ты Сынъ Божій, бросься отсюда внизъ». Которое же изъ искушеній можетъ быть чудомъ, какое авторитетомъ и гдѣ тайна? По самому существу, всѣ три являются чудомъ. Однако естественно признать, что «поклониться» діаволу значитъ тѣмъ самымъ признать его авторитетъ. Итакъ, если слѣдовать тому, какъ Достоевскій расположилъ три искушенія, то надо признать скорѣе всего въ основѣ «Великаго Инквизитора» текстъ Евангелія отъ Матѳея. Въ пользу этого предположенія говорятъ и многія подробности. У Достоевскаго говорится о камняхъ, какъ у Матѳея, а не о камнѣ, какъ у Луки. У Луки отмѣчено, что діаволь отошелъ отъ Христа лишь, до времени» и нѣтъ ни слова о служеніи ангеловъ и т. д. Но если мы правы, что поклоненіе діаволу и славѣ царства есть искушеніе авторитетомъ, то гдѣ же тайна? Чудо

обратить камни въ хлѣбы, но чудо и второе искушеніе. Но пожалуй, чудо — «броситься внизъ» -- второй грѣхъ католицизма — тайна, и вотъ почему. Искушеніе тайны, мученіе каждой тайны въ невозможности или свободномъ нежеланіи ее обнаружить. Для Христа, съ точки зрѣнія Достоевскаго, искушеніе заключалось именно въ томъ, чтобы передъ сатаной-искусителемъ не обнаружить *безсилія свободы воли въ тайнѣ* *), не выдать свою связь съ Богомъ ради себя, ради своей силы, а не Божіей. И вотъ какъ разъ въ католичествѣ, по мнѣнію Достоевскаго, меньшинство владѣетъ тайной или утверждаетъ, что ею владѣетъ, чтобы подчинить себѣ 9-10 другихъ. И тайна сія не Божеская, а діавольская. Чудо его не чудо вѣры; «Дѣти не ищите чуда, ибо чудомъ убивается вѣра ваша» **), посему то Христосъ и воззвалъ къ свободѣ человѣческой къ свободѣ вѣры, «свѣтъ духовный» возвѣстилъ Онъ.

Всѣ три искушенія тѣсно связаны, храненіе тайны даетъ авторитетъ, Христосъ «разоблачилъ тайну человѣческой природы», т. е. указалъ на примать духа ит.д.***) Три искушенія являются какъ бы взаимно дополняющими другъ друга и не забыто ни одно, всѣ они сливаются и переливаются одно въ другое, чего нѣтъ въ письмѣ къ Алексѣеву. Подчинивъ идеальное «свѣтъ духовный» земному, діаволь послѣ перваго искушенія понятно могъ розорвать связь съ Богомъ у Христа и затѣмъ заставить склониться и передъ нимъ, а тѣмъ самымъ и передъ земной славой. Но Христосъ, какъ Сынъ Божій всевѣдущій зналъ цѣну для людей идеала и побѣдилъ діавола. Такъ, или

*) Иначе: тайна сохраняетъ цѣнность познанія, цѣнность вѣры, свободу вѣры.

**) Ср. Наброски къ «Братьямъ Карамазовымъ» — Die Urgestalt der Brüder Karamasoff S. 299.

***) Ср. выше приведенное письмо къ В. А. Алексѣеву.

приблизительно такъ, надо понимать «Великаго Инквизитора» въ той части, гдѣ трактуется о трехъ вопросахъ міровой исторіи. Кромѣ этой стороны поэмы Ивана, въ ней дается философія облика Христова и побѣды Красоты, Добра и Истины. Многие въ лексическомъ составѣ поэмы и въ синтаксисѣ взято изъ Св. Писанія. Знаменитая сцена въ тюрьмѣ съ молчащимъ Христомъ и задающимъ вопросы Инквизиторомъ, думается, связана съ Евангеліемъ. Инквизиторъ напоминаетъ намъ невольно своими вопросами Пилата и Каіафу; напр., так же какъ и онъ, Пилать говоритъ: «Ты ничего не отвѣчаешь? видишь, какъ много противъ Тебя обвиненій» *). Особенно приближается своей мыслию о необходимости для «спасенія» народа гибели Христа, Инквизиторъ къ Каіафѣ, къ его совѣту іудеямъ «что лучше одному человѣку умереть за народъ» **). Глубокое знаніе Евангелія и многолѣтній раздумья надъ нимъ отразились въ строкахъ поэмы.

Коснемся въ заключеніе еще одной глубокой мысли, заключенной въ «Братьяхъ Карамазовыхъ» и въ частности въ «Великомъ Инквизиторѣ». Инквизиторъ — апологетъ католичества, слуга антихриста, онъ прямо говоритъ Христу: «мы съ нимъ, а не съ Тобой». Въ католицизмѣ (*послѣ IX вѣка* ***) личность подчиняется коллективу, *теряетъ свое достояніе*. Потеря своего лица, индивидуальности совершается въ обществѣ социализма (соціалистовъ) и равно въ церкви католиковъ (*quae in terra est*). Подчиняясь авторитету, католикъ свой грѣхъ, грѣховную ошибку, не разбираетъ самъ съ Божіей помощью наединѣ со свободной совѣстью, а всецѣло ввѣряетъ

*) Ср. отъ Марка XV, 3-4; Мат. XXVI, 62; Іоанн. XVIII, 38.

**) См. отъ Іоанна XVIII, 14.

***) Вѣкъ этотъ данъ на основаніи воспоминанія современниковъ о словахъ Достоевскаго.

себя церкви и ея верховенству, теряя тѣмъ самымъ свою свободу воли и уничтожая личность — «и за гробомъ обрящутъ лишь смерть». *) Отсюда слова Инквизитора о позволеніи вѣрующимъ грѣшить. Христось, благодаря, сему выступаетъ на этомъ фонѣ, озаренный яркимъ внутреннимъ свѣтомъ. Онъ образъ идеальнаго человѣка — Бого-Человѣкъ, уважающій, а не презирающій человѣка. **) Единеніе во Христѣ («русское рѣшеніе вопроса» ***) — есть утвержденіе свободножертвенной личности. Самъ Христось идеаль индивидуальности, идеаль свободы. Но почему же Христось цѣлуетъ слугу антихристовъ, своего обвинителя, въ «безкровныя уста»? Какая мысль генія скрыта за этимъ поступкомъ? Думается, Достоевскій хорошо помнилъ слова притчи о блудномъ сынѣ, что на небесахъ болѣе радуются объ одномъ раскаявшемся грѣшникѣ, чѣмъ о 99 праведникахъ, и что Христось пришелъ привести не праведниковъ, но грѣшниковъ къ покаянію. Но это далеко не все. Во многихъ романахъ писателя, мелькаетъ и исчезаетъ, вспыхнувъ на мгновение яркимъ пламенемъ, сокровенная мысль. Только грѣшникъ ищетъ по настоящему образъ Христа. Выражая эту мысль, грубо и парадоксально, скажемъ — грѣхъ есть путь ко Христу. Грѣхъ великаго инквизитора, грѣхъ искавшаго и жившаго въ пустынѣ и не устоявшаго передъ «великимъ и грознымъ духомъ» изъ любви къ людямъ. И къ нему примѣнимы слова: «Нѣсть челоуѣкъ иже живъ будетъ и не согрѣшитъ». Вѣдь по словамъ писателя ****) и «Первосвященнику Каіафѣ будетъ прощено, ибо онъ возлюбилъ на-

*) Слова Инквизитора.

**) Ср. Слова письма Д. о социалистахъ «Презираете вы челоуѣчество или уважаете, вы, будущіе его спасители?»

***) Изъ черновиновъ къ «Братьямъ Карамазовымъ».

****) Ср. Die Urgestact der «Brüder Karamasoff. S. II.

родъ свой, по своему, но любилъ все же». И тутъ въ послѣднихъ строкахъ поэмы слышится напряженная нота, нота все растущаго славословія Христа. Онъ не только лобзаніе даетъ Инквизитору, нѣтъ, онъ и не *осуждаетъ его* (вѣроятно отзвукъ — «не судите, да не судимы будете»). И великій грѣшникъ побѣжденъ, онъ выпускаетъ изъ темницы Христа и поцѣлуй Его «горить на сердцѣ». Такова безсмертная апологія Христу и дѣлу Его въ «Братьяхъ Карамазовыхъ». Къ правдѣ, къ истинѣ стремился Инквизиторъ. «Что есть истина? И она стояла, однако, передъ нимъ, сама Истина».*)

* * *

Въ творествѣ Достоевскаго есть тѣ сокровища, что не могутъ быть отняты, и золото огнемъ очищенное, которое не ржавѣетъ и мы въ мукѣ изгнанія обрѣтаемъ ихъ. А для вѣрующихъ? Для нихъ есть церковь, на камнѣ изъ камней созижденная «и врата адовы не одолѣютъ ю».

Ростиславъ Плетневъ.

*) Ср. *ibid.*